

Странствования и расселение староверов часовенного согласия по переписке и полемическим сочинениям XX-XXI веков

Travels and Settlement of the “Chapel” (“Chasovenny”) Old Believers, based on the epistolary and polemic writings in XX-XXI

Streszczenie: Obecnie staroobrzędowcy ze wspólnoty czasowienników różnią się od innych starowierskich grup dużą mobilnością i dynamiką kierunków migracyjnych, a także polemicznym podejściem do wielu wyzwań współczesnego świata. W artykule analizowane są zarówno ich poglądy, jak i życie codzienne, a jako materiał posłużyły źródła pisane staroobrzędowców z Oregonu (USA) i narracje uralskich starowierców.

Słowa kluczowe: staroobrzędowcy, migracje, polemiki, problem Białowodzia w różnych wspólnotach

Summary: Nowadays the followers of the “Chapel” community differ from the other branches of the Old Believers by high mobility, dynamics of their migration trajectories and their polemic views on many challenges of the modern world. In the article both their everyday life and their worldviews are being analyzed based on the written sources of the Old Believers from Oregon (USA) and the narratives of the Ural Mountain Dwellers.

Key words: Old Believers, Migrations, Polemics, Question of the “White Water” (Belovodye) in various communities

Проблема миграции и расселения славян не может быть рассмотрена без исследования активных переселенческих процессов в среде старообрядчества. Ссылки и гонения были наиболее важным фактором в переселении старообрядчества, что привело его в отдаленные места Сибири, в неизвестные в то время им края Австро-Венгерской империи, неведомые поселения Азии, а в XX веке и в Америку.

Но не только притеснения в родной земле были стимулом к переселению в неведомые земли. Важным было и обретение особого места, где можно было, не таясь проводить службу и следовать традициям, завещанным предками. В связи с этим появились идеи Беловодья или «Опоньского царства» — далёкой, уединенной страны, где сохранялись древние обычаи, и было множество правильно поставленных священников. Наиболее яркое представление о Беловодье содержится в кратком старообрядческом сочинении под названием *Путешественник*. Этот памятник старообрядческой народной письменности первой половины XIX в. даёт краткое описание легендарной страны и призывает своих читателей идти туда из России по определённому маршруту с целью христианского спасения. Впервые текст старообрядческого *Путешественника* в Беловодье был напечатан в 1862 г. историком старообрядчества и общественным деятелем А. П. Щаповым. Авторство данного *Путешественника* в заголовке было приписано некоему иноку Михаилу. О датировке и местонахождении текста публикатор ничего не сообщал. А. П. Щапов предварил

свою публикацию лишь следующим замечанием: «Бегствующие странники, или бегуны-бродяги, имели сведения о всех этих пристанях и пристанодержателях. У них есть свои маршруты, или путники. Приведём для образца один маршрут по Сибири в какую-то азиатскую, неведомую страну, и при маршруте пригласительное письмо» (Щапов 1862: 277–278). Описание путешествия в неведомые земли уже от лица Марка Топозерского привел в 1864 году и П.И. Мельников (Мельников 1909: 23-24). Со временем появились и новые списки. Этот небольшой текст многократно переписывался и был путеводным для многих поколений старообрядцев. Тема утопической страны Беловодья была широко разработана и многими исследователями (Шадрин 1908: 707-714; Бломквист, Гринкова 1930: 39-40; Касаткина 2008: 184–190; Клибанов 1977: 219-225; Мамсик 1982: 135-164; Мамсик 1987: 178-205; Мальцев 2002: 234-235; Савоскул 2002: 22, Сморгунова 1999: 211-219; Чистов 1967: 239-290; Чистов 2011: 219-225; Чувьуров 2011; Рыков 2015: 11-57; Хисамутдинов 2011: 211).

Бытовали и «Ипонские правила», о чем свидетельствует запись на книге в собрании автора статьи известного полемиста самокреста А.М. Запьянцев (Агеева 2008: 336-337) Нижегородской губернии села Толбы, составленной и изданной им в 1909 г. (Запьянцев 1910: 1-122). Содержание правил в записи отсутствует, указаны лишь вымышленные библиографические сведения о них: «Ипонские правила. Преведены же от греческого языка сии правила на словенский язык иноком Кириллом во святей горе Афонстей в лето 7127 месяца июля 10 день. Напечатана же оттуда быша сии правила в богоспасаемом граде Москве, в лето 7165 месяца марта 28 день по повелению благоверного и христоролюбивого царя Алексея Михайловича всея Руси самодержца, в 7-е лето царства его. И по благословению в духовном чину отца его и богомольца, святейшего Иосифа патриарха Московского и всея Руси, в 10-е лето патриаршества его издадеся же сих переводов 20. Во славу и хвалу вседержителю Богу и всем святым аминь. Сиречь, в малех зело странах греческия земли и болгарские будут священники даже до скончания века» (Запьянцев 1910: оборот титульного листа). Недавно появились новые данные об этих весьма загадочных правилах (Корогодина 2016: 476-486).

Путешественник происходил из согласия странников, то в дальнейшем «ни в одном из страннических сочинений XVIII-XX вв. нет упоминаний о Беловодье, ни в одной страннической рукописи не встречаются списки *Путешественника*. Представление о существовании целой страны, где нет, и не может быть антихриста, где сохранилось во всей полноте „дониконовское” священство, в корне противоречит учению странников о всемирной и окончательной победе антихриста и конечном истреблении им „истинного” священства. Возникновение и распространение легенды о Б. не связано с деятельностью определенного старообрядческого согласия, она жила среди поморцев, часовенных, беглопоповцев и др.» (Мальцев 2002: 534-535). Но наибольшее распространение легенда получила все же в среде часовенных. В качестве самоназвания к ним применялся и сохраняется до сих пор термин «христиане»; часовенными их стали называть позднее, и тех, кто служил в часовнях без алтарей. Часовенное согласие, иначе софонтиевцы, кержаки, стариковское согласие – старообрядцы, первоначально бывшие поповцами, но из-за гонений и отсутствия священников, стали в большинстве своем беспоповцами. Часовенное согласие

сложилось из нескольких миграционных потоков старообрядцев, продвигавшихся в разное время из Европейской России все дальше на восток. В 1720-х гг. основная часть ушла из нижегородских лесов на Урал. Большое значение имело покровительство владельцев уральских заводов бежавшим старообрядцам как потенциальной рабочей силе. Сами часовенные возводят свои истоки к священноиноку Софонтию, поселившемуся на Керженце и принятому от ереси священниками дониконовского рукоположения Дионисием шуйским, Трифилием вологодским и другими. От Софонтия принял «исправу» будущий руководитель уральского старообрядчества священноинок Никифор, который затем ушел с Керженца со многими старцами на Урал. Никифор и его последователи занялись выяснением, какие епископы были заведомо крещены в три погружения и рукоположены также крещенными в три погружения епископами. После такого рода изысканий они стали принимать священных лиц, рукоположенных только такими епископами. В 1776 г. руководители часовенных, опираясь на будто бы полученные в Синоде данные, что из архиереев господствующей церкви крещены по православному обряду лишь рязанский и грузинский епископы, принимали к себе лишь священников, рукоположенных этими архиереями. Последним нижнетагильским иереем был священник грузинского рукоположения отец Архип. С его смертью в 1825 г., а также в дальнейшем в связи с запретительными мерами Николая I уральские старообрядцы окончательно остались без священства, что усилило роль «нерукоположенных» стариков. В дальнейшем не принимались и священники Белокриницкой иерархии, против чего были направлены усилия епископа пермского Геннадия, суздальского узника (Агеева 2003: 5-12; Агеева 2005: 606-607; Агеева: 2007: 178-201). Свои успехи в обращении беспоповцев в последователей Белокриницкой иерархии он видит в особой благодати дарованной ему поставлением в епископа: «[...] так отправили в Москву и поставлен я был архиепископом Антонием [Шутовым – Е.А.] с Иовом Кавказским (Агеева 2010: 306), в избрании был и Конон Зыбковский (Агеева 2014: 651-653), посвящен я был в епископа января 9 дня, а Пафнутий Казанский (Старообрядческие архиереи: 10) 10 января поставлен, и так отправился я восвояси из Москвы, и в Казани священноинока Савватия захватил с собой. Приехали сперва в Кунгур, чрез Вятскую губернию Сарапульский уезд, тамо много крестили до 700 душ обоего пола. Прилучилось в деревне Черной нам быть, и дано было знать соседнему наставнику в деревне Светлой Иоанну, он же отверг предложение от нас сказанное. Вдруг после вестника объяла его болезнь, в которые минуты я сказал, что он скоро будет сюда. Ещё не успели беседу окончить о нем, как он человек хороший, рассказывают, удивляются его отказу, глядишь, нежданно кое-как его вводят в избу, весь, как обваренный, пал пред ногами моими, кается, прощения от меня просит, когда же начал положил и прощение прочитал, и тут же облегчилась болезнь его. И начал с нами служить, нам помогать. Тогда с пламенною любовью и благочестивыми чувствами попросил нас в дом к себе, и тут премножество крестили. В последний день вдруг приносят напоследи всех расслабленного младенца лет семи, ни корпусом двинуться не мог, ни рукою, ни ногою шесть лет повернуться отнюдь не мог, ручки и ножки так иссохли, как цевочки [косточки – Е.А.]. Ужасное для всех зрелище! Я ему сказал: „Хочешь ли, я тебе здоровья привез”. Он, как бы улыбаясь, жelaет, но говорить отнюдь не мог за немощь

и исхлать; мать же плачет о единокровном своем сыне Симеоне. Мы сейчас окончили и ушли из моленной, пообедали и уехали. Летом я опять проезжаю, посетить постом, и вдруг представляют мальчика мне полненького хорошенького, велют кланяться и рассказывают о нем отец его Никита с матерью и со всеми соседями, что сей был самый полумертвый младенец, благодарят меня, будто я восставил от одра смерти его посредством навершением миропомазания и причащением пречистых Христовых тайн. Говорят, принесли в дом, вдруг запросил кушать и пошел на ногах ходить. Эта любовь отца его ко мне столь расположила, что он на выкуп моего священника Анания 5 тыс. руб. серебром давал, всегда благодарные поклоны посылал к моему недостоинству, называл меня воскресителем и избавителем от смерти. Но я-то, не я, а Благодать Божия во мне хиротонии. От чего это дело святое благодатное было? Вот от чего: когда меня поставили в епископа, и после сего попадись мне у архиепископа Антония Служебник с выходом Никона патриарха, как я заревел с испугу: ох, вы, окаянные, уловили меня в ересь. Так и не простился с архиепископом Антонием, как с еретиком. Это вполне может передать епископ Пафнутий Казанский. Как было, я сокрушался перед Господом и просил Господа Бога, чтобы он оправдал свое благодатное священство во мне, если оно есть во мне. Я беспокоился и день, и ночь, чтобы не отступить ни на шаг милости. Он сам во мне явил священства благодать свою: более не искушу Господа к тому, увы, мне, аще не благовестую его благодать, свидетельствует его действо мною недостойным, яко орудием» (Автобиография Геннадия: 3). «Часовенные имели и имеют различные представления об антихристе. В большинстве своем они основываются на теории трех отступлений от веры („отпадение” католиков, уния, реформа Никона в России) и убеждении, что в переживаемое время уже воцарился антихрист (теория духовного антихриста) или же в канун наступления царства антихриста в России действуют его предтечи, слуги (теория чувственного антихриста) (Покровский, Зольникова 2002: 16-17).

Наставниками, стариками или «дединьками» (могут быть разные названия) не допускается общение (главным образом, в молитве и ядении) с замирщенными. В некоторых сообществах существуют строгий запрет на общение с официальными лицами разного уровня, недопустимость получения паспортов и пенсий. В Каракалпакии (Узбекистан) в силу малочисленности знающих вероисповедание и службу, дединьки – крутоверы или члены малого собора, как ещё говорят, переходят в большой собор – туда, где уже с трудом поддерживают традицию.

В расселении часовенных по территории Российской империи с Урала в Сибирь, а затем и на Дальний Восток прослеживаются основы традиционной русской земледельческой колонизации от берегов Белого моря до Тихого океана, от древности до наших дней. И одной из вдохновляющих идей было обнаружение заповедной земли, где все можно было устроить жизнь по святоотеческим заповедям. По словам Григория Терентьевича Хохлова – автора будущей книги – этот вопрос на съездах казаков вставал не раз, но путешествие пугало своими трудностями и неопределенностью «маршрута». В 1860-х годах донской казак Дмитрий Петрович Шапошников, житель Новочеркасска, выделил на путешествие довольно значительную сумму и пригласил уральцев. Казак Головского поселка Варсонофий Барышников с двумя товарищами отправился в путь, они побывали в

Константинополе, Малой Азии, на Малабарском берегу и даже в Ост-Индии. Но до пределов Камбайского или Опоньского (Японского) царства не доехали. Беловодия по-прежнему осталась тайной. Но в 1890 г. на Урале стало известно, что в Пермской губернии появился живой выходец из Беловодии, в лице некоего Аркадия (он же Антон Семенович Пикульский, 3 августа 1834-1902 (Данилко 2007: 217-224; Данилко 2011: 369-390), именующего себя архиепископом Беловодского поставления и в свою очередь ставящего попов и епископов (Бубнов: 80-84). В некоторых местах самые радикальные старообрядцы, отвергавшие и белокрыницкое священство, приняли Аркадия с особым энтузиазмом.

Уральцы отправили посланцев к нему, одним из которых был В. Барышников— член первой экспедиции. Познакомившись с Аркадием, Барышников был разочарован. Однако через некоторое время о. Аркадий сам приехал на Урал к казакам, где клялся, что получил сан архиепископа от патриарха Беловодского царства Мелетия. По его словам Беловодское (Камбайское) царство лежит где-то на востоке. 25 января 1898 г. на Яике (Урале) в Кирсановском поселке на съезде казаков была избрана группа казаков в составе 4-х человек для новых поисков Камбайского царства. В группу, кроме Хохлова и двух других делегатов, входил Онисим Варсонофьевич Барышников – сын В. Барышникова, первого искателя Беловодии. 22 мая 1898 года казаки выехали из Уральска, а 30 мая на пароходе вышли из Одессы в Константинополь. На расходы для депутации казачьей общиной Уральского войска было собрано 2600 рублей.

Маршрут второй экспедиции с указаниями о. Аркадия также не имел точных ориентиров. Участники второй экспедиции, побывав в Камбодже, Китае, Японии и в других странах Азии, не нашли там ни единоверцев, ни поселений, где жили бы русские. Возвратившись в Россию, казаки направились в г. Оханск, где жил о. Аркадий, чтобы выяснить у него причину неудачных поисков. «Архиепископ» отослал их в Пермь, где в окружном суде хранилась грамота с указанием места, откуда «святой отец» прибыл. Получив бумагу из Перми с неясными письменами о местонахождении Камбайского царства, казаки, по совету Короленко, обратились к петербургскому академику-санскритологу С. Ф. Ольденбургу. Академик нашел, что грамота представляет из себя скопление индусских и арабских слов, не имеющих никакого смысла, кроме нелепостей. Как заметил В. Г. Короленко, «автор этой грамоты составлял ее, по-видимому, с каким-нибудь старинным учебником географии в руках, ни мало не заботясь о трудности сводить в одну епархию Нью-Йорк и Потози, Калькутту и швейцарский Ааргау, Вальядолид и Парагвай» (Короленко 1903: 3-4). В то же время Короленко считал, что обращение казаков к науке представляется важным фактом в освоении географического пространства.

Самое удивительное, что почти в это же время другая часть уральских казаков- часовенных, выселенная насильно во второй половине 1870-х годов в связи с неприятием ими только что введенной всеобщей воинской повинности, в прямом смысле осваивала географию малознакомого им места – бассейна реки Аму-Дарьи и Аральского моря, в то время полноводных и бурных. И можно сказать, что там, в Каракалпакии, ими было создано и освоено свое Беловодье – туда были перевезены святыни – иконы уральского письма XIX века, рукописи и книги, построены моленные, и именно там сложился тип очень строгих часовенных-крутоверов (Агеева,

Данилко 2016: 1-32), как они сами себя называют до сих пор. Наименование ссыльных приводило их к изоляции. Но даже последовавшее разрешение вернуться в родные края не очень привлекло «уходцев», как они себя называли. Как показали исследования 2014-2016 годов Данилко и Агеевой, легенду о Беловодье они не знали. Освоив новое пространство, укоренившись в Центральной Азии, старообрядцы не стремились к переездам и поискам новых мест. Массовые отъезды начались только с 1990-х годов, и даже они воспринимаются старшим поколением отрицательно: «Старики за молодыми поехали. А хотели умирать на своей родине. Дядька мой ослеп и оглох, очень хотел вернуться. Собрал узелки, пошел, заплутался, и едва его нашли. Мы говорили: сидите старики, куда вы едите. Пусть молодые едут. Будет плохо – вернутся. Я одна 13 лет жила, а потом сын вернулся. Стариков всех рассеяли, кого в Воронеже похоронили, кого в Астрахани. Были шустрые, а как уехали – все быстрыхонько. А здесь, может быть, жили, терпели. [...] Потом там рыбы нету, у нас в некоторых постах рыбку едят, они полуголодные были, а посты держали». Уральцы скучают по родным местам: «С родной стороны собачка мила, говорят. Так бы уехали». Будущее видится, как наказание за грехи: «На праздники часы читаем. Не осталось никого. Никто не хочет. Едва-едва. (А молодежь как?) Молодежь не хочет. (А как же тогда? Закончится все?) Ну, конечно! Вот за это и выгнали. Откочевали сюда, за отступление» (ПМА 5: Т.С.).

По мере того как часовенные вырабатывали свою церковно-бытовую систему, искали Беловодье и правильно поставленных иерархов, тем острее нарастала полемика с последователями Белокриницкого согласия. Одним из публичных и напечатанных в журнале «Старообрядцы» был текст протоиерея Иоанна Селиверстовича Шадрина. Статья *О Беловодии* с подзаголовком (*ложь Марка Топозерского*) (Шадрин 1908: 707-714) сопровождалась редакторским комментарием, называвшим Марка Топозерского – персонажа явно мифологического – «злым гением старообрядчества», который «как саранча, как всепожирающие гусеницы, отчаянно набрасываются на все переносящее многострадальное старообрядчество. Иногда незримо, втихомолку они совершают свою демонскую работу разрушения, иногда, пользуясь обстоятельствами, они открыто выступают руководителями старообрядчества, печатно указывая цели и диктуя нам правила жизни». Иоанн Шадрин не только хорошо знает исторический текст и излагает его, но и приводит рассказы бухтарминцев о поисках Беловодья, завершившихся неудачно. Та же участь постигла и жителей Бийского уезда деревень Тайры и Карагейки. Те и другие беспоповцы (Шадрин не раз упоминает это название) оказались первые в Китае, другие — в Монголии, и там пытались самостоятельно устроить Беловодское государство. Китайские соседи достаточно быстро не захотели жить рядом с русскими, о чем и сообщили своему правительству, которое соотнеслось с российским. Монгольское поселение заглохло само, но миф о нем жил долго и имеет влияние до сих пор. Известна небольшая экспедиция, снаряженная в эти места во второй половине XX в. орегонскими староверами. Но особое значение в публикации Шадрина имеет рассказ священника, имя которого скрыто за буквами «И.Д.», смысл которого сосредоточен в осознании беспоповцем не искать какое-то далёкое загадочное священство, когда рядом есть, действует Белокриницкая иерархия. Некогда священник И.Д. был беспоповцем, читал священное писание и святоотеческие

творения, и постепенно им стала овладевать мысль, что «без священства, таинств и церкви Христовой душу спасти невозможно» (Шадрин 1908: 712). Стал он расспрашивать и о Беловодье. Одни говорили, что это в Китае, другие — в Японии. Интерес его был так велик, что он решил устроиться в Бийске к своему шурина приказчиком и поехать с ним в Монголию. В Монголии он провел два года, выучил язык и постоянно спрашивал, не знает ли кто о Беловодье. Одни говорили, не знают, другие — где-то в Японии. Многие утверждали, что в Японии есть Беловодские острова. Наш путешественник, взяв у шурина на 800 рублей товара, и пригласив помощника, отправился вглубь Монголии, где поменял свой паспорт на китайский, а потом стал торговать в Китае и всюду расспрашивать о Беловодье. Там уже стало ясно, что Беловодские острова принадлежат Японии. Наконец, наши путешественники достигли берега моря, им показали точку в океане и сказали, что до Беловодских островов всего 40 верст и попасть можно лишь один раз в сутки, во время отлива и в тихую погоду. Оставив помощника и товар на берегу, наш рассказчик отправился на острова: «Боже мой! Как горело во мне сердце, я и радовался и в то же время боялся. Радовался, что достигнул столь долго разыскиваемое „Беловодье”, а боялся, что там не благочестивое священство [...]» (Шадрин 1908: 713). «Острова», по рассказу, были продолжением того же материка, но отдаленные низменностью, которая затоплялась во время прилива, а во время отлива обнажалась. Издали были видны церкви, путешественник возрадовался и стал осенять себя крестным знаменем. Но когда приблизился, сразу упал духом: церкви были не похожи на русские святые храмы. Въехали в селение, но и там оказался народ не похожий на русских: лицом смуглые, с бритыми бородами (курсив Шадрина) и стриженными волосами. После расспросов, какие они христиане, выяснилось, что они религии арианской (Шмалий 1997: 221-224) поселились очень давно, когда их преследовали. С этих пор путешественник перестал верить легендам о Беловодье, приступил к изучению Белокриницкой иерархии и «убедившись в правоте оной с полным убеждением и без всякого сомнения присоединился ко оной, при которой и сейчас нахожусь с надеждой получить спасение души, и советую своим братьям безпоповцам последовать моему примеру». Возможно, это рассказ Шадрина о себе, о своих поисках. Позднее, после знаменательного переворота в разысканиях современных исследователей отец Иоанн Шадрин сам оказался создателем «Беловодья» нового времени. Много лет спустя в журнале «Словесница искусств» в 2009 году известный исследователь дальневосточного старообрядчества Иван Шевнин опубликовал статью *Страна Беловодье где-то в Маньчжурии*. Старообрядческий храм был открыт в Харбине и был притягательным местом для русских, переселившихся, спасаясь от перемен или значительно ранее при строительстве КВЖД. В пределах же Северной Маньчжурии (Барга), в Трехречье старообрядцы открыли два прихода и имели двух священников: протоиерея И. Шадрина и священника И. Старосадчева из села Бордагон, Амурской области, являвшихся духовными руководителями. Возможно, исследователи дальневосточного старообрядчества располагают более подробными сведениями о жизни батюшки Иоанна Шадрина. Устройство духовной жизни в Китае привлекло многих старообрядцев из приграничных районов. Множество русских семей: Басаргины, Снегиревы, Килины, Амфилофьевы и многие другие прошли труднейший

путь через Китай (некоторым пришлось вернуться в Советский Союз, семьи оказались разделенными) и обрели свое «Беловодье» в Южной, а затем, в большей степени, Северной Америке. Но трудности, неопределённость существования не сказывались на характере старообрядцев, не омрачали его. Григорий Анфилофьев (Орегон) даже сложил стих о первых днях работы в Бразилии: «Как я упал с десяти метров высоты в 1961 году, мне было 18 лет: В Бондератас плотниками приняли сразу нас, лазить по стропилам, а неизвестно в час. В первую неделю Великого поста, в последнюю субботу мы вышли на места. Поработали примерно минут около пяти, ботинки подскользнули, а ну я вниз лети. Упал я невысоко, метров с десяти, успел вздохнуть один раз на своем пути. Полет удался, ловок, но очень лишь короток и после посадки вырос на лбу рог. Пощупал: руки, ноги целы, быть должны, но только вот несчастье у левой у ноги мизинец-сиротинка не выдюжил полёт, не много надломился, сделал мне подвод. Сразу же в больницу увезли меня, положили на койку, лечат доктора. Проспал я двое суток, дремоту разогнал сейчас про свой полет описывать начал. Болит ещё все тело, кончаю я писать, уже часа два ночи, ещё придётся спать». Стихотворение сопровождается комментарием: «Бондерантес – название компании, неизвестно в час — не сказали, сколько будут платить в час. Успел один раз вздохнуть — на пути схватился за одну плаху, перевернулся и перевел дух. Провел я в больнице 16 суток, не умел говорить по-бразильски ни слова, а питаться в больницу приносили черное горькое кофе с пряниками. И после больницы меня долгое время манило пить кофе. Что в уме ничего не было, только бы выпить кофе». Так образовался целый ряд поселений, которые, как и в Беловодье сохраняют заветы предков и молятся. Об этом свидетельствуют письма, где не раз упоминаются и цитируются книги, как в письме из Уругвая: «7715-го. 26 старого стиля. От собора Уругвая деревня Питанга. Здравова живети о Христе братия. По вашей просьби поехать мы не смогли на сабор, но все мы согласны и стаим за един истинай Крест не делимай Троицы, как нас претки научили. Как указано в евангелии на листу 19 на обороте». Всего 8 подписей, среди них трое Килиных: Федор, Анатолий и Аликсий.

А освоение и поиск земель продолжается, хотя, конечно, уже в малых масштабах, как следует из письма уже покойного Самсона Амфилофьева: «В будущем месяце в январе мы переедим с Парагвая в Бразилию. То, что страна Парагвай стала делить расы, за иностранцев нет никакой востачи. Купили землю 100 гектаров, гектар стоит 180 руб. американскими. Дали вклад денег 3000 руб. и каждый год по 3000 руб. Спустя 5 лет земля выплатится, будет собственная. На этом участке есть 20 гектаров, уже чисто, готово сей или сади, а остальное — лес. Высота земли от уровня моря 630 м. Климат приятный, дождя много, воздух чистый, как фильтрованный, летом нету жары, а зимой морозу тоже нету. Все растет и на все есть сбыт, все можно продать, понадекало есть городок, в нем проживают 18000 обитантов, лесопилка в этом городке 79. Много пчел в лесу нашел, и есть мед, цена меду хорошая, и только дай. Растет рис, бобы, кукуруза, подсолнухи, сурепка, пшеница, картофель, морковь, лук и все остальное, земля принимает весь дождь, сколько его идёт. Также и растет фрукта вся и ягода, и виноград. 12-12-7508 лето». Идея колонизации, освоения новых земель, благоприятных для жизни и правильной молитвы глубоко укоренилась у части часовенных, особенно Южной и Северной Америки. Вполне справедливо название

статьи Розалии Францевны Касаткиной *Вечные странники из Орегона*. Особый этап странствий представляет собой переселение на Дальний Восток части американских староверов, но это уже новейшая история. Хотя возможно и новое осмысление Беловодья. Этнолог С.С. Савоскул изучал бытование этого небольшого сочинения уже в XX столетии и пришёл к выводу, что интерес не ослабевает, хотя носит другой характер — интерпретационный. Появляются и новые списки. Автору этой статьи лист из ученической тетради во Владивостоке в 2004 г. показывала Н.В. Литвина — ныне зав. Археографической лаборатории МГУ. Лист был обнаружен ею в Килинске (Горная Шория), посёлке, основанном отцом А.К. Килина (Агеева 2013: 507-509), и по местной традиции считалось, что написан он полемистом Исаем Назаровичем (Зольникова 2012: 157-158). Почерк Исаея Назаровича хорошо известен и весьма характерен, и, очевидно, нынешнее поколение уже с ним не знакомо. Данный фрагмент никак не мог быть написан Исаем Назаровичем. Но идея Беловодья ранее, видимо, была близка жителям Килинска. А.К. Килин рассказывал, что его дядя отправлялся в село Верхний Уймон (Горный Алтай), которое считалось по одной из версий своеобразным выходом в Беловодье, надеясь там обрести истинное благочестие. Мои просьбы выяснить историю этого листка, состояние традиции о Беловодье в то время в селениях Горной Шории, остались без ответа. В задачи этой статьи не входило охватить все проблемы и трактовки Беловодья, а также истории согласий. С одной стороны необходимо было показать, сколь много важного не только для старообрядцев, но и для истории страны стоит за краткой народной легендой, а с другой, что сама легенда вызывала споры и разногласия в разных согласиях. Но в трудные дни обострения гонений староверы своей внутренней силой и сплочённостью создавали своё новое «Беловодье», где бы они не жили.

Литература:

- Автобиография Геннадия. РГБ. Ф. 294. К.11. № 6.
- Агеева Е.А., 2003, *Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости (новые материалы)*, [в:] *Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы международной научно-практической конференции*, Гомель.
- Агеева Е.А., 2005, *Геннадий Беляев*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. X, Москва.
- Агеева Е.А., 2007, *Старообрядческий епископ Геннадий: между властью духовной и светской*, «Вестник церковной истории», № 4(8).
- Агеева Е.А., 2008, *Запьянцев Александр Михеевич*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. XIX, Москва.
- Агеева Е.А., 2010, *Иов (Зрянин)*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. XXV, Москва.
- Агеева Е.А., 2013, *Килин Ананий Клеонович*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. XXXIII, Москва.
- Агеева Е.А., 2014, *Конон (Дураков)*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. XXXVI, Москва.
- Агеева Е.А., Данилко Е.С., 2016, *Этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане (материалы полевых исследований)*, [в:] *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*, т. 249, Москва.

- Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П., 1930, *Кто такие бухтарминские старообрядцы*, [в:] *Бухтарминские старообрядцы: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия Казахстанская*, Ленинград, вып. 17, с. 39–40.
- Данилко Е. С., 2007, *В поисках Беловодья: (утопические легенды уральских казаков)*, [в:] *Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы*, т. 2, Москва.
- Данилко Е.С., 2011, «Смиренный архиепископ Аркадий»: некоторые страницы из истории Беловодской иерархии, [в:] *Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность*, вып. 5, Киев-Винница.
- Запьянцев А.М., 1910, *О сотворении человека и о естественном христианском благодии. О вере, о символе веры и о церкви и о роде верных и о крещении и о прочих догматах церковных*, Балахна.
- Зольникова Н.Д., 2012, *Исай Назарович*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. XVII, Москва.
- Касаткина Р.Ф., 2008, *Вечные странники в Орегоне*, [в:] *Русские старообрядцы: язык, культура, история*, Москва.
- Клибанов А.И., 1977, *Народная социальная утопия в России: Период феодализма*, Москва.
- Корогодина М.В., 2016, *Правила Иппонского собора и старообрядческие подделки начала XIX века*, [в:] *Современные проблемы археографии. Вып. 2: Сб. ст. по материалам конфер. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 окт. 2014 г.*, ред. Корогодина М.В., Санкт-Петербург.
- Короленко В.Г., 1903, *Предисловие к книге: Хохлов Г. Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство», «Записки Императорского Русского Географического Общества по отделу этнографии»*, т. XXVIII.
- Мальцев А.И., 2002, *Беловодье*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. IV, Москва.
- Мамсик Т.С., 1987, *Крестьянское движение в Сибири, 2-я четв. XIX в.*, Новосибирск.
- Мамсик Т.С., 1982, *Беловодцы и Беловодье: по материалам следственного дела о побеге 1827-1828 гг.*, [в:] *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода*, Новосибирск.
- Мельников П.И., 1909, (Андрей Печерский), *Полное собрание сочинений*, т. 7, изд. 2-ое, Санкт-Петербург.
- Писаревский А.Ю. (ред.), 2002, *Старообрядческие иерархи*, Москва.
- Покровский Н.Н., 1980, *К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет*, [в:] *Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX-XX вв.*, Бахрушинские чтения 1980 г., Новосибирск.
- Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д., 2002, *Староверы-часовенные на востоке России в XVIII-XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания*, Москва.
- Рыков Ю.Д., 2015, *Ярославский список Марка Топозёрского*, [в:] *Книжная культура Ярославского края – 2014: сборник статей и материалов*, Ярославль.
- Савоскул С.С., 2002, *Легенда о Беловодье в XX веке*, [в:] *Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)*.

- Сморгунова Е.М., 1999, *Исход староверов вчера и сегодня: уход от мира и поиски земли обетованной*, [в:] *История Церкви: изучение и преподавание: Мат-лы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства, 23-25 ноября 1999 г.*, Екатеринбург.
- Хисамутдинов А.А., 2011, *Старообрядцы: из России в Америку через Китай*, «Вопросы истории», № 7, с. 90-102.
- Чистов К.В., 1967, *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.*, Москва.
- Чистов К.В., 2003, *Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд)*, Санкт-Петербург.
- Чувьуров А., 2011, «Путешественник Марка Топозерского»: география бытования рукописных сборников, [в:] *Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова*, ред. Байбурин А.К., Щепанская Т.Б., Санкт-Петербург, http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-209-8/978-5-88431-209-8_23.pdf
- Шадрин Иоанн, 1908, *О Беловодии (ложь Марка Топозерского)*, «Старообрядцы», № 8-9.
- Шевнин И.Л., 2009, *Страна Беловодье где-то в Маньчжурии*, «Словесница искусств», № 24, <https://oldbelievers.wordpress.com/2012/03/13/russian-old-believer-pioneers-in-manchuria/>
- Шмалий Е., 1997, *свящ. Арианство*, [в:] *Православная энциклопедия*, т. III, Москва.
- Щапов А.П., 1862, *Земство и раскол*, «Время», № 10.
- Полевые и архивные материалы автора.